

Предисловие

Последние несколько лет патриотизм стал в моде и варьируется между молчаливой в сердце любви к стране и фанатизмом на грани психического расстройства. Если пройти по всей градации патриотизма, от бледных тонов тех, кто иной раз вслух скажет «Я люблю свою» страну – и будет искренним, до тех, кто готов избить человека, заподозрив кого-то в отсутствии любви к Родине, то можно встретить различные вариации: и фанатичное требование, чтобы все вокруг изъяснялись на украинском языке, и желание всем и вся показать «какой я патриот» (зачастую, далее фото в социальных сетях с высокопарными речами под ними это не заходит), и те, какие, к сожалению, спекулируют на патриотизме других, пытаясь сделать себя поводьями по тропе национальной самоидентификации и прославлению страны. И последние, увы, самые опасные и омерзительные, ведь вполне вероятно, что начиналось всё с пресловутых благих намерений: с желанием отделить свою страну от её прошлого и стереть в памяти других народов стереотип «а, это ж та часть СССР», показать аутентичность, особенности, выстроить новый образ не только в глазах мира, но и, прежде всего, в головах людей, живущих в стране. Такие персонажи привлекают своё внимание и, бесспорно, обзаводятся кругом единомышленников и почитателей. Но власть развращает. И получая выгоды и дивиденды, развращаются те, кто ещё вчера носил в себе только светлые мысли и веру в будущее.

Сложно построить патриотизм в стране, которая её не уважает. И особенно омерзительно то, что граждане страны, даже не осознают их неуважения к Родине. И воевать за родной язык, за лоботомию в плане «забудьте наше прошлое, нашу историю, есть только сегодняшнее: вот, мы молодая и сильная страна, мы нация!», за Европу непозволительно, когда те же люди гадят на улице, разбрасывают мусор, не уважают друг друга ни в транспорте, ни в очереди на почте \ в банке \ в супермаркете, дают взятки, занимаются мошенничеством, пары не вступают в брак, чтобы если родился ребенок, выдавать мать за «мать одиночку» и получать деньги от страны, обманывая её, не работают на официальном трудоустройстве, чтобы уходить от налогов, а если всё же и оформляются на «минималку», то лишь с

целью субсидию получить. Если вы делаете \ делали хоть один из этих пунктов – никогда не смейте даже заговаривать о патриотизме. Если вы выбрасываете сигаретный бычок из окна – зашейте себе рот, если ляпнете, что любите свою страну. Если в метро, увидев беременную девушку, вы притворяетесь спящим – собирайте вещи и уезжайте в другую страну. Как любят многие кричать в соц.сетях о том, какая страна их родная отличная и уникальная, а это всё эти поганые политики страну ко дну тянут – легко об этом кричать, стуча по клавиатуре телефона, находясь на заработках в Польше. Легко найти «крайнего» и сказать, что он виноват во всех твоих и всех прочих людей невзгодах.

Что же тогда такое «патриотизм», к чему эти злостные упреки?

А к тому, что ответ очень прост: патриотизм – это уважение к стране и к её «начинке» - Земле, тому, что на этой Земле расположено, построено, растёт и живёт: будь то животные или люди. Патриотизм – это делать хоть что-то для поддержания этой Жизни, а в идеале – для расширения и улучшения Жизни.

Вопрос к господам, какие громко кричат о своём благородном звании «Патриот» - что конкретно вы сделали для страны? Посадили с десяток деревьев, рассортировали мусор, подарили сиротам книги, сдали кровь на донорство или пристали на улице к человеку за русскую речь (который закончил советскую школу, всю жизнь проговорил на русском и на старости лет просто испытывает трудности в том, чтобы переключится на украинский, но сам очень любит родную страну?)? Или же просто написали пост о том, как эти политики достали, как вы против них? Скажите, чем-то стране в развитии помогли (если ответ кроется в крайних двух из предложенных действий)?

.....

На этих скучных до безумия «семейных» посиделках я всегда ощущала себя как стул без ножки. Просто удивительно, как мои одногодки, ещё вчерашние firestarters, которые в свои выходные дни могли начать утро с «Отвертки», теперь с упоением рассказывали про первый зуб своих чад или о том, какая выгодная у них рассрочка на квартиру. Меня притащил сюда Стас, мой парень, который сам даже и не задумывался про женитьбу, казалось, он и вовсе боится всего, что связано с узами

брака, но при этом с восторгом тискал всех этих раздутых, похожих на больных циррозом печени младенцев и искренне умилялся их слюням, которыми они как слизняки, метили территорию, по которой ползали. Нет, я вовсе не страдаю мизопедией и прекрасно осознаю, что однажды и у меня будут дети. Только я страдаю тем же заблуждением, что и все будущие родители: «Мои дети будут не такими, я не буду их так воспитывать».

Удивительно, как люди стремятся показать себя хозяевами мира, особенно те, у кого за спиной ни гроша, а внутри – пустое непаханое поле. Мы постоянно меряемся своими капиталами, как бы невзначай делая акцент на своей зарплате, на своих весомых покупках, на своих отпусках, проведенных в далеких странах, будто в головах у каждого стоят счетчики, калькуляторы, конвертеры. Будто бы невзначай рассказывая про свои блага, мы даем собеседнику время на подсчет: сколько мы потратили, стало быть, сколько у нас есть, раз мы можем позволить себе эти траты, будто над головами нашими табло с цифрами, отображающее состояние наших банковских счетов. Да, мы чертовы капиталисты, при этом ведем себя а-ля герои книги Бориса Виана «А потом всех уродов убрать» - каждый из нас – совершенная модель, вот только нас такими не сделали, все мы родились орущими, гадящими, беспомощными младенцами, вот только якобы образование, питание, труд (а можно ли назвать это трудом? Много ли трудящихся руками в век автоматизации всей жизни?), спортзалы, салоны красоты, сделали нас сверхлюдьми. А теперь это как выставка собачек, только каждый скрывает свою породу, а если порода поистине хорошая – будет орать о ней налево и направо, как о самой лучшей своей добродетели, будто это личное достижение его.

То место, где я сейчас находилась, было поистине ярмаркой тщеславия, а не встречей давнишних друзей. Здесь делились между собой исключительно своими сомнительными победами, достижениями, они уже не были толпой студентов, какие бухали на лавочках и рассказывали друг другу о том, какой видят жизнь, они делали вид, что имеют эту жизнь, в подробностях рассказывали, в каких позах, а на деле стеснялись признаться себе, что единственные, кого имеют – так это их. И как им достались их квартиры, машины, деньги – они обрисовывали, будто это был крестовый поход к вершине Эвереста, а на деле это

было подобно тому, как солдаты в армии, по уши в грязи, лезут под колючей проволокой под вопли матов их начальников.

Мы сидели уже третий час, я стеснялась признаться себе, что выпила уже третий трехсотмиллиграммовый бокал вина и рука моя тянулась за еще одной дозой моего сегодняшнего алкогольного успокоительного. Присутствовавшие здесь дамочки, каких я помнила в своё время выплясывающих в пьяном угаре на барных стойках в полуголом виде, ныне изо всех сил старались вести себя образцово-показательными женами, вопрос состоял для меня лишь в: кому они хотят это показать? Своим таким же псевдо-подругам, с какими они сошлись на тяге к веселью, разврату и выманивания посредством своего тела средств у мужчин; после прошли путь, найдя неиссякаемые источники средств в лице одного (каждая из них чем-то таки зацепила: кто своими постельными умениями, кто беременностью, кто заверениями, что она просто ищет «Того, единственного» (упустим момент, почему поиски она производила в огромном количестве кроватей), но всё никак не найдет – в любом случае, завладели они ими ложью, у каждой была своя ложь; а вот теперь они разыгрывают спектакль «идеальная жена и мать»? Либо же своим мужьям, пытаюсь таким образом стереть им память о том, где же они их отыскивали и как такое в жены взяли? Либо же самим себе лоботомию сделать пытаются? Естественно, сейчас они стоят кружком, отдельная элита, выпивают грамм сто вина и нарочито громко причитают: «Ох, у меня как доченька родилась, то я алкоголь на дух переносить не стала, вот выпила бокальчик, совсем в голове помутнело!». Я помню, как она пила бади-шоты с барменш в «Койоте» и мы не могли её оттащить от них, пока она не упала в некое подобие алкогольной комы, не приходя в чувства до следующего утра. Мы учились с ней вместе и всё, что я могла вспомнить о данной персоне – её непреодолимую жажду денег, а когда она их не получала: впадала в запой.

Сложно обвинять человека в подобного рода вещах, когда знаешь печальную истину: так делают сотни тысяч людей. С детства нам внушают, что все командуют деньги, а верховенствует тот, у кого их больше. Зомбирование производится не только посредством индустрии развлечений: фильмами, телепередачами, песнями, но и самими родителями. В нашей стране искоренен как таковой «средний класс». Сейчас молодежь пытается его восстанавливать, но не рвутся в нем

задерживаться. Мне всегда хотелось быть в финансовом плане именно в данной ячейке: иметь достаточно средств к существованию и к жизни. Это две большие разницы: существование – это тот необходимый тебе минимум, дабы поддерживать своё нахождение на данной земле: питание, проживание, одежда. Жизнь – это уже то, что идёт вне простых земных забот: это отдых, это возможность данного отдыха посредством путешествий или же простого расслабления в заведении. Жизнь я видела никак не в обличье едва выдерживающего яства стола с лобстерами, шампанским и нежным фламинго в соусе из артишоков, на веранде виллы в Тенерифы. Жизнь я видела, как отсутствие необходимости пересчитывать в голове каждую копейку и с болью понимать, что отпуск в этом году не светит. Как состояние между «бедно» и «богато». Тогда ты не находишься в перманентном состоянии шока и страха от отсутствия средств, но и не «с жиру бесишься» от счета с энным количеством полей.

Класс бедных, каким с детства внушают, что «ты должен вырваться из нищеты и показать им всем, отомстить за нас» – самые страшные люди. Это те жуткие родители, которые отказались бороться, но при этом взращивали монстров-детей, в атмосфере ненависти, подливая ежедневно масла в огонь: «Посмотри, как мы живем, а посмотри, как те буржуи живут, вот ты вырастешь, и станешь богаче их всех, они все будут под тобой ходить». Дети вырастают бессердечными и алчными, мальчишки зачастую связываются с нечистыми делишками, а вот девочки... Становятся такими, как эта дама, что с презрением отставила бокал и подошла ко мне изобразить вежливости и лишней раз попытаться меня уколоть (безуспешно), своей показной статусностью, какой у меня, по её мнению, нет. Я же видела перед собой ту восемнадцатилетнюю девочку, жившую в комнате по соседству, которая ходила в жуткой и вызывающей одежде из секонда, какую по вечерам забирали сомнительного вида парни на машине у двери общежития и привозили только под утро. Когда я, заметив синяки на её ногах и руках, проявила вежливость, предложив свою помощь, она лишь огрызнулась:

- О, профессорская дочурка очнулась! Конечно, куда тебе до таких бед, что ты вообще в этой общаге забыла, ты ж у нас белоручка, мама-папа в университет засунули, потом и на работку приличную пристроят, а мне, которая столько дней в

своей жизни голодала, нужно твою помощь на коленях принимать? Я у этих тварей помощь на коленях принимаю, они меня хоть и кормят немного по-другому, зато теперь я себе накоплю денег и уйду подальше из этого ада, так что держись от меня подальше со своими советами!

С тех пор мы не разговаривали года два и, действительно, машины за ней стали приезжать более статусные, покуда не перестали вовсе – она сдержала слово и съехала с общежития. Ходили разные слухи, кто-то шептался, что она любовница депутата, кто-то – что жена бандита, кто-то – что просто валютная проститутка. По университету она ходила с гордо поднятой головой, поправляя золотые кольца и серьги, но всё время пытаюсь заговорить со мной. Когда очередная попытка не увенчалась успехом, она потащила меня за собой в машину и вывалила мне на голову всю историю своей жизни, про родителей-алкоголиков, про то, как её в тринадцать лет за бутылку водки продали на одну ночь соседу, про то, как от неё требовали денег и отправляли работать на самых грязных и не благоприятных местах.

- Конечно, я копила в себе эту злобу и не могла дождаться момента, когда стану богатой и мне не нужно будет думать, между чем выбрать вечером: пачкой макарон или сигарет. И я добилась этого, мне плевать, какими методами, но прости меня за грубость мою прошлую, ты всегда относилась ко мне хорошо, ты была и есть единственной, кто не бросает мне камни в спину и не пытается попользоваться мной.

И пусть эта дружба походила на моей воображаемой поляне растений-общений с людьми похоронным искусственным венком, я всегда заботилась о людях. Они были моим фетишем, но и, одновременно, некоторые из них были объектом моей ненависти, по отношению к которым был лишь один вердикт: наказать. Но те люди сеяли зло по отношению к массам, а мелких вредителей в расход брать было слишком легко...

Нужно сбросить с себя воспоминаниями, иначе они снова овладеют мной и заставят сбежать из этого подобия мира, в какой мне довелось насильно себя засунуть, дабы забыть о Моём мире, утраченном, насильно отрезанном, оставшемся на задворках моей памяти. Я старалась как-то поддерживать беседы, дабы потом не слушать дома полночи упреки Стаса на

тему: «Ты могла бы хотя б приличия ради разговаривать с ними! Они же позвали нас ДВОИХ!». Нет. Они позвали его. А я – это классический случай «Плюс один». Бесплатное приложение. Приличия ради надо приглашать. Ежели вы состоите в отношениях, соответственно вас автоматически воспринимают как единое целое, пусть они и не знают, что вы не то, чтобы таким не являетесь, а и не являлись вовсе никогда.

Мы познакомились со Стасом на работе и было это 2,5 года назад. Я только закончила университет, и не знала, куда мне соваться с моим техническим образованием кафедры инженерной механики. Мне выпал счастливый билет попасть в отменную IT-компанию, которая работала на Норвегию и почему-то решила, что лучше набрать себе «сырого мяса» с техническими знаниями и сваять из них айтишников, нежели брать тех, кто с опытом, а следовательно – с завышенными расценками и требованиями. Он был гуру веб-дизайна – старше меня всего на год, уже успел сделать за пять лет отличную карьеру и быстро взял меня под своё крыло, всячески помогая и наставляя. Я знала, что он «запал» на меня. С первого дня. Я была специфической барышней, пожалуй, гиперактивной, а он – весь такой рассудительный, спокойный, уравновешенный, просто не мог ко мне не тянуться словно кочевник, какой долго шел по заснеженной пустыне и вдруг набрел на теплый очаг. Мы не успели очнуться, как я начала у него жить – просто потому, что с университетской общаги съехать пришлось, а на съём жилья денег у меня не было. И пускай однажды всё всплыло на работе, на которой отношение к служебным романам было категорически негативное, почему я и потеряла своё место, но, к счастью, мой начальник оценивал меня как «перспективный, смысленый и трудолюбивый сотрудник, у которого большое будущее» (что не помешало ему вызвать меня «на ковёр» и вычитывать как школьницу, какую словили за курением), написал мне отменное рекомендационное письмо, более того, направил в не менее успешную компанию на должность, которая была ещё круче моей нынешней. Стаса, понятное дело, он терять не хотел. Я подозревала, что это своеобразный сексизм – мужчинам принято жать руку за каждую их сексуальную «победу» (ведь какая это, черт побери, победа – просто присунуть кому-то?!), особенно если это – молодая симпатичная сотрудница, к какой подкатывал весь офис (на 95% заполненный исключительно парнями, к сведению),

а она выбрала только его, а вот девушка начинает считаться чуть ли не куртизанкой и нимфоманкой.

Я была рада повороту событий. Новая работа нравилась мне более, начальником моим стала одноклассница моего бывшего шефа – женщина-карьеристка, она уважала себе подобных, и я быстро пошла по карьерной лестнице. Это задевало Стаса. Он считал себя лучшим, опытным, чтит себя моим наставником, его тащило ошибочное мнение, что без него мне никак, что все мои успехи – его заслуга. В момент, когда я осознала, что и в финансовом плане куда успешней его, всерьез задумалась – а почему я с ним? Счет идет на годы, а я так и не полюбила его, хоть мне и было безумно хорошо с ним, он был, что говорится «удобный человек», если не брать в учет то, как его бесили мои редкие восторженные рассказы об успехах на работе (пусть я и старалась уменьшить всё и скрыть всю правду). Отношения базируются на доверии – фраза, старая как мир, но он затыкал мои шляузы своим наигранным безразличием и часто вырывающимся наружу раздражением.

Я не могла ему сказать ещё одну вещь. Что он был вторым парнем в моей жизни. Что он спас меня от семилетних отношений, какие выпили меня до дна и, казалось, я больше никогда не смогу ни с кем быть. А теперь я ощущала, что могу. И что я должна оборвать это всё, пока не очнусь в браке с вопиющим младенцем на руках.

Мне всегда так хотелось свободы, что даже имея её в неограниченном количестве, я хотела ещё. С одержимостью зависимого, как алкоголик, что тянется к спасательным каплям горючего, как парень, только пришедший с армии, мне хотелось ещё и ещё.

Подобно глотку свежего воздуха, кислородом по твоей крови идёт приятное осознание того, что живёшь ты только для себя, соответственно, все твои действия направлены только на удовлетворение своих потребностей. Какой вопиющий эгоцентризм! Нас же с детства учат отрывать от себя по кусочку и жертвовать другим: в детстве - уважай старших (то бишь, подчиняйся им и выполняй их прихоти - им же виднее, они жизнь видели, не то, что ты!), слушайся родителей (опять же, читай, подчиняйся, ты им по гроб жизни обязан за то, что они тебя родили!). Но ведь ты не просил, чтобы тебя рожали. Если тебя создали по своему желанию, а не по случайности, то ты плод

удовлетворения желания своих родителей. Это ИМ хотелось завести себе ребёнка. Это на поводу у СВОЕГО желания они шли. И жизнь превращается в игру "ты мне/я тебе", "услуга за услугу". А что если устроить анархию и хаос и НЕ участвовать?

Что если не принимать ничего и не давать взамен?
Стать автономной республикой.
Полагаться только на свои силы?

Звучит так же ничтожно, как из уст псевдо-коучей, какие вбивают тебе в голову "Ты сильный! Ты всё сможешь! Ты добьёшься успехов!" (читай / между/ строк : ты это и сам знаешь, только забываешь порой, а я хочу на тебе денег побольше срубить, вот и применяю к тебе это банальное и старое как мир НЛП). Но можно эксперимента ради пожить хотя бы неделю под эгидой "плясать под свою же дудку".

Просыпаясь по утрам, обдумывать своё "мне нужно на работу". Нужно ли? Кому нужно? Стану ли я хоть на йоту счастливей от данного визита? Не у всех же радужная картина "я испытываю наслаждение от работы". Наиболее профилактическим будет взять себе отпуск и каждый день подчиняться внутренним зовам, будь то валяться до обеда или же вскочить в 6 утра и поехать гулять в лес. Съездить в другой город или засесть дома за просмотром фильмов. Без всяких "нужно убрать квартиру", "нужно доделывать дела", ничего не нужно. И блуждая у себя на поводу, ты познаешь себя, свои истинные потребности, не навязанные обществом / семьей / коллегами/прочими.

Нет, им не виднее. Сколько бы опыта у них ни было. Сколько бы всякого пережитого у них за плечами не висело тяжким грузом.

Безусловно, нельзя прожить жизнь вечным подростком, не задумываясь о завтрашнем дне удовлетворяя свои желания. В противном случае, ты можешь остаться в нищете, ибо деньги уходят быстро, когда идёшь на поводу у просьб внутреннего я (нет времени зарабатывать, да и желания нет). Можно сколотить капитал и потом уже наслаждаться, но много ли таких радужных ситуаций?

Я была в том возрасте, когда начинают возникать до жути неловкие вопросы в духе «А замуж когда?», «Вы же уже так долго вместе», «А деток пора бы же». А кто сказал, что я вообще когда-либо должна это делать?

- Опять?!

Мы идем по Большой Житомирской. Я заставила его выйти на Кловской, дабы пройтись пешком по городу. Раньше мы постоянно встречались после работы, дабы погулять и выпить где-то кофе или чего покрепче, поужинать, снова пройтись. Но всё изменилось за последние полгода. Он все чаще говорил: «Я устал, я поехал домой». Я одна брела от моей работы на Печерской пешком до нашего дома на Подоле. Я могла зайти в какое-то новомодное заведение и сидеть в компании какого-нибудь soug-коктейля, читая книгу. Или зайти в заведение моих студенческих годов – культовый для киевских ханыг (и не только) «Черный капитан» - кто не гулял на Пейзажке, не заходил туда выпить – тот ни черта о молодости не знал.

Стас в этот раз не смог брыкаться. Я поставила его перед фактом с каменным лицом, и он понимал, что для меня поехать на Осокорки и пару часов терпеть компанию его скучных для меня друзей и их детей, было более чем подвигом. Я чувствовала себя так, словно в очередной раз плюнула себе в душу. Мне нужно было отмыться и выветриться от этого, как мы вывешиваем прокуренные вещи на балкон.

- Что опять?

- Опять ты всем своим видом показываешь, как тебе тошно от тех, кто является частью моей жизни. Опять ты желаешь мне одолжение!

Начинается. Я села на ближайшую ограду и закурила. Поразительно, как люди, какие ранее растворялись в безудержном веселье и блядстве, теперь желают выстраивать ячейку общества «как книжка пишет». Это был его случай. Человек, никогда не состоявший до меня в пресловутых «серьезных отношениях», дорвавшись до них решил «оторваться по полной». У него была острая необходимость в том, чтобы «и в беде, и в радости»: чтобы мы вместе проводили всё наше свободное время, чтобы после работы делились всеми деталями «как прошёл мой день», чтобы у нас стерлось понятия «я» и «моё»,

а вместо этого – «мы» и «наше». Это очень удобно, когда рядом с тобой сильная женщина: ты ей предоставляешь своё внимание, любовь, свою жилетку для плача, своё плече для опоры, а ты, будь добра, делай все остальное, а я это замаскирую под «мы вместе». Женщины, пресловутые хранители очага, соглашаются на подобные правила игры. Сколько споров по поводу одиночества, кто легче его переносит, как у женщин «часики тикают», что делает нынешняя эмансипация. Женщин, видать, настолько утомили вечные требования общества выходить замуж и поскорее рожать, а не продвигаться по карьерной лестнице, что они всем назло работают до упаду, с удовольствием располагаются в руководящих должностях и в ЗАГС идти не спешат. Мужчины этих женщин боятся, ненавидят, хотят подчинить себе, покорить, дабы после тыкать носом в то, что «я твой муж, изволь слушаться». Несколько месяцев подряд я чувствовала такой прессинг: меня постоянно упрекали моей работой, на какой я часто задерживалась и ставила её в приоритет – если быть предельно искренней, то я любила эту работу, не взирая ни на что, я любила ощущение важности себя, необходимости, что даже стоит мне уйти в отпуск, мои коллеги ощущали мою незаменимость. Тешить своё самолюбие – особенно важный процесс, ибо если ты осознаешь свою важность – это фундамент для формирования цельности личности, комфортного существования и вдохновение не только для рабочих моментов, но и для жизни в целом. Но если ты приходишь домой и встречаешь там упреки по поводу того, почему ты задержалась, тебе я не нужен?, ты меня разлюбила?, квартира не убрана, ужина нет, но у тебя, зато!, дедлайн избежали?, ты не хочешь за меня замуж, следовательно, не уверена во мне, не уверена в нашем будущем?

- Они не являются частью твоей жизни, не ври себе. Просто ты все ещё привязан к ним, как к твоим давнишним друзьям, знакомым, собутыльникам... вот только вместо бутылок у них в руках их дети, а ты этого в упор не замечаешь.

Очень жаль, что мужчина, о каком ты порой позволяла себе мысли из разряда «совместное светлое будущее», на деле не принимал тебя, надеялся переделать под себя. И если ранее мне это только казалось, то теперь – стало явью. Очень многие мужчины страдают этим недугом. Зачастую они находят себе девушке по душе, но с некоторым вещами, какие им не по духу,

надеясь на «смирюсь» или «поменяю». Мысль о том, чтобы найти себе идеального спутника жизни – наивная и утопическая, но если на первых порах ты ощущаешь дискомфорт – не стоит надеяться, что дальше все шероховатости уйдут. Напротив, превратятся в трещины, куда всё не разрушится. Все бросать тоже не стоит, ведь в истории столько примеров, когда полнейшая какофония превращалась в захватывающую дух музыку. Но наши ноты не только были невпопад, но и теперь стало очень ощутимо резать слух. Кажется, пора заканчивать – пьеса провалилась, спектакль утратил нить сюжета, певцы не поют, лишь фальшивят на последних вздохах...

- Пожалуйста, послушай меня, - он сел на корточки и обхватил руками мои колени, пытаюсь глядеть в глаза в упор. Я же всячески отводила от него свои. – Неужели ты не понимаешь, что я *хочу* семью? *Хочу* детей. *Хочу*, чтобы мы всю жизнь провели вместе. *Хочу*, чтобы ты бросила курить, перестала пить, и мы бы создали семью. Пожалуйста, выходи за меня.

Я знала, что однажды услышу эту роковую фразу. На всех этих скучных сабантуях я сто раз слышала шепот супруг его друзей: «Ну а вы когда поженитесь? Уже давно пора! Я знаю, Стас скоро сделает тебе предложение!». Он всё чаще спрашивал меня: «А как ты будешь воспитывать детей? А кого бы ты хотела?». Я всегда находила лишь один ответ на подобного рода вопросы – выйти на балкон покурить. И тут он упрекнул меня в моей единственной защитной реакции!

В отличие от остальных представительниц прекрасного пола, я панически не хотела этого. И я понимала, что это – конец.

- Стас. Пока ещё не поздно. Ты знаешь меня. И тебе меня не поменять. Лучше найди ту девушку, которая разделяет твои взгляды на жизнь, твои стремления. Спасибо тебе за всё. Ты оживил меня. До тебя я не хотела ни отношений, ни даже одноразового секса, ничего, я казалась себе фригидной и асексуальной. А ты оживил меня. Сделал меня той, какой я есть сейчас...

- Бездушной?!

- Я понимаю, ты зол. Но... дай мне время. Не сейчас. Или, давай всё это закончим.

- Это всё из-за него? Из-за твоего гребанного подрывателя, анархиста чертового?

Началось. Он знал, куда меня кольнуть, пускай прошли годы, но это был мой единственный, никогда не заживающий шрам. Это был кошмар, какой всё так же преследовал меня по ночам или же флэшбеками прямо посреди улицы. Стас был тем, кто спас меня от этого, но не мог уберечь от ремиссий.

- При чем здесь это? Мне просто нужно время...

- Отсрочки не будет, и ты это сама прекрасно понимаешь. Ты права, это конец. Я не смогу жить с тобой, зная, что ты отказала мне, не готова провести со мной жизнь и вряд ли будешь когда-либо готова. Мне будет невероятно сложно без тебя. Но я тоже благодарен тебе. И я понимаю, что такое никогда не работает зачастую, но может...мы...всё же сможем...остаться друзьями?

Я провела ладонью по его гладковыбритой щеке и всё ж нашла в себе силы взглянуть в его ярко зеленые глаза. Мой милый Стас. Впервые за долгое время я ощутила что-то вроде укола в сердце. Мне вправду было больно. Очень больно. Но я сделала бы ему в разы больнее, если бы осталась с ним.

Сигарета дотлела. Я знала, что отсюда до нашего дома минут 30-40 ходьбы. Всё ещё в моем сознании это числилось как «наш дом». И я взяла его под руку. И мы пошли. И говорили мы о чем угодно, только не о нашем, теперь уже, прошлом. Словно мы давние друзья, какие уйму времени не виделись, а тут вдруг случайно пересеклись и нашли время, дабы делиться впечатлениями о прожитом ижитом.

.....

Сегодня утром я проснулся с уверенной мыслью, что ты рядом со мной и мне стоит лишь развернуться в кровати – и я увижу тебя. Но потом до меня дошло, что ты на другом берегу от меня, а я сам нахожусь в чужой мне квартире, с чужими мне людьми, пусть у нас с ними и общие взгляды и общая Цель. Я был так счастлив, когда узнал, что ты меня поддерживаешь, ведь до этого ни одна девушка не понимала и не принимала моих взглядов и стремлений, мою веру в то, что можно изменить этот мир к лучшему, пускай и путем разрушений. Знаешь, ведь всем вполне удобно живется. Они довольны перебиваться на пяти тысячах в месяц, снимая комнатушку где-то на задворках

столицы, ругая политиков, ворча про своих начальников за бутылкой водки, придя смертельно уставшими от своих ненавистных работ. Я так жить не хочу. Я так уже пожил. Хотя, по правде говоря, я ещё со школы, прочитав Кропоткина, четко решил, что только анархия и хаос могут породить здоровое и полноценное дитя равноправной для всех жизни. "Гнев, ненависть, мужество, стыд, отвращение и, наконец, злое отчаяние - вот рычаги, которыми можно разрушить все на земле", - сказал Кропоткин. И он был прав.

Ты даешь мне силы. Не только верить в себя, но и поистине бороться. Вместе мы сможем все. Я люблю тебя, моя девочка.

.....

Меня заносит воспоминаниями на мой второй курс. Зимний холод пробивается в каждую клетку моего тела, сквозь замок демисезонной куртки (у меня, как и у большинства стоящих рядом со мной студентов, нет денег на пуховик), сквозь тонкую шапку, пальцы леденеют и становятся бездвижными, держа транспарант, который гласит "Вимагаємо гідної стипендії". Но требование на плакате никак не отобразит душевных воплей, постоянного счета в голове, в котором фиксируется каждая потраченная копейка, в обратном порядке, из расхода "Сколько мне осталось до стипендии?". Я чувствую себя лишней, ведь у меня есть работа, но вспоминая, как она отвлекает меня от учёбы, как я устаю и как туго тем ребятам, что из бедных семей, без поддержки родителей, на работах, где им платят гроши, моя злоба растёт. В моей голове всплывают аргументы из разряда: "Не хватает денег - идите работать?", "А зачем вам тогда родители?", "А на что вы денег ещё хотите?", это всё от лукавого, от общего демона-государства, это такая проверка чтоль, нас проверяют на прочность? Готовят к будущим жизненным трудностям? К чему всё это? Нет денег в казне? А их и не будет!

Потому, что люди перестали играть по-честному. Сотрудники потенциальные ищут работу с зарплатой в конверте. Они не верят государству и не хотят делиться заработанным в виде налогов. Они не верят в пенсию, ибо, имея приличную зарплату, знают, что выйдут на пенсию и будут получать гроши. И, ввиду продолжительности и, прежде всего, качества жизни, они знают, что всё, что оплатили они как честные налогоплательщики, они не получают, лишь часть, а

остаток кто-то "важный и большой " купит себе машину/ квартиру / слетает в тёплые края...

Вот мы и стоим здесь, под мокрым снегом, во имя тех, кто умер, как голодные побитые собачонки, вымаливая подачку. Так, я уверена, они видят нас. Потешаются в своих кабинетах, потягивая пятидесятилетний виски из хрустального бокала, зашлют нам молодчика с высокопарными речами, обещаниями и напускным сопереживанием и разойдемся мы по своим убогим общагам, жареный картофель уплетать.

Ну уж нет! Не дождётесь!

В этом и проблема наших сограждан: мы слишком долго терпим, срываемся, потом устраиваем бунт и дебош, нам обещают изменения, и мы идём жить дальше, утешив себя: "Ну нам же пообещали, мы же им устроили тут, они нас явно боятся!". Не боятся. Тянут время, находят уйму отговорок, дотягивая до момента, когда кто-то смирится, кто-то утратит веру, а самая малость будет копить злость и дальше, пока не случится рецидив. Круг замыкается, история повторяется.

Я смотрела на свои промокшие в дерматиновых берцах ноги и в очередной раз достала сигарету, создававшую в моих лёгких иллюзию обогрева. Тушь на моем лице растеклась от мокрого снега, а люди думали, что я плачу. Один из анархистов, прибывших поддержать нас, подбежал ко мне с платком и протянул мне свою толстовку, ловко достав её из рюкзака, при этом не выронив фэйера, какие я успела увидеть краем глаза. Он улыбнулся очаровательной улыбкой, я поразилась его высокому росту и крепкому телосложению, мне сразу стало спокойно, как только он протянул к моему лицу зажигалку и прикрыл своим телом от ветра.

Нет, сейчас не время думать о парнях, я поблагодарила и отстранилась немного в сторону, сейчас не время изображать из себя бунтарку, при этом флиртуя с парнем.

- Через пятнадцать минут отойди к тому краю и постарайся прикрыть руками лицо, - взмахнул он рукой по направлению к забору и ушёл, растворившись в толпе, скрывшись за баннерами, торчащими над их головами.

Минута в минуту грянул взрыв. Толпа анархистов, с файерами и дубинками рванула на силовиков, сметая все на своём пути. Часть студентов осталась стоять в ступоре, кто-то подхватил волну агрессии и побежал вслед за воинствующими, размахивая баннерами, подобно флагу или мечу, кто-то, что естественно для бедных испуганных студентиков, пришедших "за компанию", стал убежать.

Я же стояла замороженная, чувствуя, как адреналин, уверенностью в себе и невероятной силой, начинает проникать в мои вены. Я хотела одного: стать одной из них, но прежде, мне нужно узнать об этом все, как работает эта система сопротивления, на чем она завязана, как мне стать полноправным звеном цепи этого механизма?

.....
Когда мне было шестнадцать лет, у меня был товарищ, старше меня на семь лет. Нас познакомили общие знакомые и сошлись мы исключительно на литературе - это и дружбой назвать нельзя было. Он много путешествовал, и каждый раз возвращался с какой-то бесценной (по нашему мнению) книгой, а то и целой стопкой их. Раз в неделю мы виделись чтобы обменяться книгами, я, конечно, чтобы не упасть лицом в грязь, бегал по просторам Петровки, выпрашивал у отца возможность раздобыть ту или иную книгу, я был так горд, слыша от товарища того: "Ну ничего себе, где ты её нашёл?", но он всё равно "побеждал", вручая мне что-то исключительное и очень ценное. Я никогда не интересовался, чем он занимается, с кем и где живёт, кем он работает, раз в постоянных разъездах. Но однажды он не пришёл в наше обычное время и в привычное место. Я впервые понял, что не знаю ни его номера, ни адреса, ни даже фамилии, я едва ли был уверен, что "Эдгар" - его настоящее имя. Мне довелось простоять под хилым навесом в парке под проливным дождём, но я не сдавался и преданно ждал, до последнего метро, едва успев на него. Мне было обидно как ребёнку, у какого отняли игрушку, словно он меня предал, тот, кого я считал своим наставником. Новости застали меня утром, когда отец за завтраком читал газету: на первой полосе на меня смотрел Эдгар с нимбом низко качественного шрифта "Террорист совершил взрыв в Кривом Роге". Отец крикнул и отбросил газету, ворча: "Куда эта страна катится!"

Дрожащими руками я подобрал газету, в какой рассказывали про Рому. Его описывали как рьяного подрывателя, какого власти не могли найти на протяжении нескольких лет. Что за его спиной числилось несколько поджогов и взрывов, но тут впервые он убил человека – депутата, владельца предприятия, якобы святого во всех смыслах работодателя, на которого работало более тысячи человек. Далее шли слова скорби, приправленные уймой высокопарных пассажей (местные журналисты явно постаралась, ведь столичный журналист только «цитировал» их – интересно, сколько же человек на самом деле работало над этим материалом, дабы подать его в таком ключе?).

Меня переполняла злость, и я стремглав вылетел из квартиры, забыв про школу, да и вовсе о всем на свете. Я мчал к нашему общему товарищу, что свел наши с Ромой дороги, решительно настроен на серьезный мужской разговор. Глупый самодовольный мальчишка, что я вообще надеялся услышать?

Наш общий товарищ – Миша – работал слесарем в мастерской, это был суровый молчаливый мужик лет тридцати, наша компания собиралась по вечерам на Золотых воротах (сложно назвать это цельной компанией, скорее, клуб по интересам недовольных положением в стране). Я благоговел перед этими людьми, я узнал от них вещи в духе «классовое неравенство», «депутатские беспределы», «сходки», «сквоты», «акции», мне стыдно было признаться в своем происхождении, что мне были чужды их истории о повышении цен на коммунальные услуги, воровство из казны, расточительство денег честных налогоплательщиков... Поначалу я стоял, как истукан, робко поддакивая кому-то, только Рома всерьез заинтересовался мною, когда мы были представлены друг другу, только он пытался систематизировать полученные мною знания, научить меня переваривать и откладывать нужные знания, фильтруя лишнюю демагогию ораторов (каких тут было много – обычные пустословы, что начитались книг, запомнили цитаты и теперь сыплют ими, пытаясь произвести впечатление на окружающих).

Миша курил уже вторую самокрутку и избегал моего взгляда. Я запинаясь на каждом слове и был близок к истерике, он же молчал и всё время оборачивался по сторонам, будто в этом индустриальном районе, где кроме этого цеха уже ничто

Thank You for previewing this eBook

You can read the full version of this eBook in different formats:

- HTML (Free /Available to everyone)
- PDF / TXT (Available to V.I.P. members. Free Standard members can access up to 5 PDF/TXT eBooks per month each month)
- Epub & Mobipocket (Exclusive to V.I.P. members)

To download this full book, simply select the format you desire below

